

18+ Елена Збаражская

Среди звука

СМЫСЛ МОЛЧАНИЯ

Елена Збаражская

Среди звука. Смысл молчания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55850755

ISBN 9785449898340

Аннотация

Ты же знаешь, что я не такая, как все. Я хуже. Не стою пред тобою в батистовых платьях, в рюшах, даже осень моя бесконечная наглая сухость, в ней молчит менестрель: перезрел, поглупел, стал бездушен...

Содержание

под Циммера шёпот	6
твои фьорды	7
Город-циник	8
моя утопия	9
Январская оттепель	10
Рифмы ветра	11
мак	12
простреловое	13
Бог-курильщик	14
вот-вот, уже не за горами	16
Новое в старом	18
Белошвейка	19
Она	20
как мир	21
старше и младше	23
уже сегодня	24
город детства	26
я не стану, ты не сможешь	27
оно просыпается	29
предчувствие смерти	30
Июнь	31
Тёмный зной	32
кости	33

Вечер	34
взрослая считалочка	35
всё ниже	36
утро туманное	37
потерянное	38
ожидание	39
прыщ	40
Антиосеннее	41
живая тишина	42
по долготе	43
сплин	44
на высоте	45
сонное место	46
я твой лес	47
прошлые жизни	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Среди звука Смысл молчания Елена Збаражская

*...Слова выпадают из миропорядка времени,
опорожнение чувств на бумагу из ткани души.
Вновь раздета, осиной дрожью. Вычеркни
меня из списков несуществующего на «сейчас»...*

© Елена Збаражская, 2020

ISBN 978-5-4498-9834-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

под Циммера шёпот

Я уже не боюсь просыпаться в мире,
где даже у неба на бёдрах вывих,
где у моря нет дна,
и в четыре утра мы в центре своих квартир —
в колыбели опровержений,
в которой предел ощущений быстрее прыжка
хмурого солнца за горизонт, где плавают мысли.
И тени снимают полынье бельё,
в гуттаперчевом воздухе шальной зимы гнутся
под Циммера шёпот,
и время в часах не движется громче.
Боги вниз по верёвке спускают корзину причуд,
вечность тревожат,
вырезают боль из-под кожи одиночеств нудных,
и пьют любовь с губ отчаянных, тёплых,
а из тел шьют созвездия вновь,
и прикручивают их к небесным подошвам
для мерцания вечного, где шалют облака,
спинами трутся, прикрывая собой бесконечность...

твои фьорды

Я к тебе приходила на крепкий тропический кофе
с берегов, где ещё до весны километры печалей,
где хрипит по утрам плоскогрудое царское солнце,
белым вереском вышиты реки и мёртвые травы.

Я смотрелась в твою неприступную дикую гавань,
где весна, как у первой Венеции – бури на взморье,
на колючем песке прохлаждаются жёлтые крабы,
и закаты пьют море, в котором дельфины смеются.

Я к тебе приходила с дорог, где вонзаются звёзды
в сумасшедшие плоти сердец многоликого мира,
где о нашей Конечной ещё не прослышали боги,
и рифмуется жизнь под туманами сказочных фьордов.

Город-циник

Город распластан, скомкан, не свеж и цинично пьян,
дома одиночеств облучены, как рентгеном,
закат кособок, тягучие дни – вязкая тьма,
тут, что ни любовь – выкидыш,
ночью обляпанный.

Петляют зловонные стоки в промежностях труб,
семь древних молитв слипаются с прахом желаний,
здесь часто рыдают ветра – бремя мертвенных скук,
и Смерть ворожит в туманах,
считая разлуки.

В нём время – бумага, сминается в оригами,
морщинисты догмы, и души трясутся в зимах,
лишь я не чувствительна в спине – дышу мирами,
где очередь боли за счастьем
воюет с пылью.

МОЯ УТОПИЯ

Смотрюсь в глаза моря: на дне кочевое небо,
виляющий пьяный рай и хохот течений,
солёные души сопят в китовых скелетах,
маяк в роговице волн, ракушечьи песни.
В них сны штормовые под ругань залётных чаек
и вкрадчивый лунный свет, щиплющий веки,
молчащие горы в коралловых бусах, тайны,
носы кораблей торчат под вязким столетьем.
Утопия божья – любви недоступные вехи,
акульки дороги, ожоги медуз и страхи...

Сгораю в живом этом взгляде – двух синих нежностях,
смотрю вглубь миров, в манящую незаконченность...

Январская оттепель

Зима бьёт баклуши, в запое морозы,
Притворная оттепель, ветер кривой,
Синицы испачкали сажею груди,
Транзитное солнце раздето весной.

Темнеет слой снега на узких тропинках,
Спросонья капель протирает глаза,
В рассветах – щербинка сливового цвета,
В закатах – висят без штанов облака.

Расслаблены путы январской кобылы,
Ей в ноздри попал травяной аромат.
Февраль наблюдает за нею шутивно,
Готовит древнейший метельный обряд.

Рифмы ветра

Сочатся капли трёпаной тоски —
по сердцу боль гоняет солнце,
что нам осталось от любви,
что выдыхаем в мёрзлый воздух.
Зимой обветренные дни,
в ночах – скучающие тени,
ты обещал меня найти,
я обещала – не исчезнуть.

Ветра из ведьминых бутылок
по миру нежностью касались
всего того, что не нашли,
всего того, что потеряли.
Незавершённость милых снов,
судьбой пропущенные знаки,
я обещала быть с тобой,
ты рифмовал...
и мы сбывались...

мак

Ты не хуже других, не пьянее бунтарского лета,
Даже лучше, ты – ночь без луны, без ворот, без замка,
В ней – мой царь, и пучок отсыревшего талого неба,
Сто печальных пещер с неизвестными икс, игрек, зет.
Я сегодня латала её перекрёстные дыры
Многобашенной боли и пуд бестолковой тоски:
У тебя никогда не случится дом третьего мира,
Только устное солнце моргнёт иногда в пустыре.
Ты узор на постелях мирской затуманенной яви,
Белый мак, обдузивший собой сумасшедший февраль,
И моё притяженье из тысячи мизерных далей,
Обнимание тел в закоулках вселенских забав.

простреловое

Зима – заплутавшая девственница,
Глаза-стёклышки, руки-веточки,
Платье зрелое, туфли стёртые,
Растрепалась восточными ветрами.

На ресницах её туман мается
С душой вьюжною, мыслью грешною,
Снами вещими безмятежными
Февраль полнится, в солнце плещется.

А за голыми талыми сопками
Весна топчется, слезой брезжится,
В шляпе фетровой, пальто новое,
И прострел на груди вышит нежностью.

Бог-курильщик

Мне тебя бесконечно мало...
Мой Ванахейм сегодня бастует,
ночи пошло смысл диктуют:
«тьма вчера пеленает солнце».
Мы с тобою хворост Вселенной,
не цветём, полыхаем сразу,
часто сушим свои озёра
винительными печальями,
творительными именами,
вскармливаем существительными сомнениями
голодных мертвецов, живущих на айсбергах,
играющих в переговоры с живыми.
Мы две твари, поющие недалеко от моря,
а в нём мыли руки грустные гении,
мамы, улыбающиеся мимы,
отцы из него рыбу удили.
А наш Бог-курильщик
сложил наши судьбы
в разноцветный кальян
и выкуривает его,
сидя на берегу
пустынной земли:
нога на ногу,
без тоги,

без мокасин,
глаза к небу

не к своему...

ВОТ-ВОТ, УЖЕ НЕ ЗА ГОРАМИ

Лоснится кожа февраля,
Моргает небо левым глазом,
Рассвет присыпан манкой дня,
Закат бургундский в жёлтых стразах.

Луна колдует в неглиже,
Пасьянс раскладывает тучный,
Прилипла чернь к седой земле,
Ковчезным раем пахнут люди.

Волчком кружатся флюгера
На крышах башенок-часовен,
Деревья спят в наростах мха,
Болеют реки малокровьем.

Атаковали воробы
Картоньи ясли, чистят перья.
Собаки подняли хвосты,
Уныло смотрят в мелколесье.

И сиплый воздух гонит пыль
Вчерашних выюг парад в ущелье,
Где не бывает простофиль,
Где лишь любовь, и тает зимье...

Новое в старом

Обновляется плоть земли,
В лёгком трансе вздыхает город,
Дни разделись, промокли пни,
Солнце дерзко ползёт за ворот.
Вечера вышивают сны
На картоне ночей (нить «люрекс»),
Новой родинкой в складке губ
Отпечаталась мега-юность.
Приступ сплина уходит прочь
Заблестевшей душой асфальта,
До оргазма весенних слёз
Двадцать два монолитных хода.
Истончается наша мысль
В тёмном зеве зимы-мерзавки,
И пульсирует новый смысл
На столешнице старых сказок...

Белошвейка

Март сопит на развалинах мира,
тянет мгла исхудавшие руки,
коматозного солнца пунктиры
мельтешат (теперь больше от скуки).
Истончаются в нитку ледышки
странных зим, нашумевшей капелью,
тишина после долгой одышки
наслаждается звуками трели.
Облака на буксире у неба,
в чехарде тёплых грёз зреет нежность,
в ветках памяти сонных деревьев
набухает зелёная свежесть.

А девчонка моя, белошвейка,
распорола бедовую душу,
из кусков залатала все шрамы.
И в рассвет ускользнула распутный...

Она

...в полулюбви застыла изнутри
молчуньей, не умеющей молчать,
страдалицей, с отсутствием тоски,
бегуньей, не умеющей бежать.

...она сегодня грешность, тишина,
нетронутая нежность для мужчин,
застенчивая мякоть февраля,
прилежное дитя мирских обид.
открытая насмешливая грусть,
во внешности загадочный «шарман»
отчаянный воздушный поцелуй
(с ладони улетающий обман).

...но засуха гуляет по губам,
вопит в затылок, ноя, пустота.
в крахмальных простынях души кричит
недолюбовь... и одинокий «вамп»...

как мир

Обнимаю тебя, как мир, чуть продрогший, поломанный
болью,

где кружит вековая пыль, и снегами твой дом
припорошен.

Недолюбленный брошенный рай – ватным небом,
мёрзлой водою,

мятым клевером пахнут мечты, горным воздухом дышат
звёзды.

Ты молитвы мои не считай, лучше слушай, что шепчут
ветры:

в них сегодня и завтра, вчера – недосказанность, лёгкий
трепет.

Без тебя не приходит весна, умирают стихи на пиках,
травы корни теряют, а сны снятся только богам безликим.

Ты под голой луною ждёшь млеко зорь, над туманами –
ночи,

не роняешь остывших слёз, только смотришь страдально
на море.

Не проси заплутавших птиц показать тебе старые тропы,
лучше строй из руин корабли, и плыви по судьбе
свободным.

Обнимаю тебя, как мир,
чуть безумный и самый далёкий...

старше и младше

Я младше тебя на год февральских разлук
И старше на век предапрельской обычной снежности.
Когда-то кормила чаек, ловила джус
И крылья стрекозьи для сердца кроила нежные.

Я ближе к тебе на сто бесноватых гроз
И дальше на два фехтующих скачущих ветра.
Мне холод не снился, октябрь желтел без слёз,
Земля целовалась взасос с неокрашенным небом.

Я тише на тон нерождённого страха
И громче неласковых волн об изрезанный берег.
Наше «вчера» свернулось в немое «завтра»,
И время скукожилось в тусклый сегодняшний вечер.

Я старше тебя на вдох влюблённого утра,
Ты младше меня на одну одинокую вечность.

уже сегодня

Мы не умрём в этом городе завтра.

Он ничей.

Спрячемся в тишине полночи,
утра (росы несозревшей, девственной).

Выпьем по вдоху из поцелуев,
сон приютим на груди из нежности,
навсегда пропишем, до случая,
катастрофы любви в своих необузданных душах,
во взъерошенных нервах,
в переплетении пальцев рук,
в касании запястий,
в трении тел...

И исчезнем для всех,
потому что наше время себя исчерпало:
как киты, уплывающие в другое море,
как повзрослевшие стрижи,
покидающие свои гнёзда,
как стрекозы по осени.

А после вернёмся в свой город,
через века,

где мы никогда не старели,
продолжимся в чужом ощущении,
уже не нашем,
но на что-то похожее, как в нас,

когда-то ушедших,
которые не умерли завтра.

...и сегодня начнём
 возрождаться...

город детства

Город, прищутив глаза, смотрит в рассветную пустошь,
Радость сползает с лица тайнами брошенных улиц,
Солнце рукою своей щупает пульс поднебесья.
Мы в этом городе сны, эхо ушедших столетий.

Бремя вокзальных часов замерло – нет пассажиров,
Рельсы увязли в траве, в мёртвых вагонах спят птицы.
В центрах унылых квартал призраки громкого смеха,
Ветер с оттенком тоски трогает ветхие стены.

На толстокожесть ночей пыль оседает молчанья,
Свет пустотелой луны – белый комок отчаянья.
Нам не вернуться уже в шаткость сумбурного лета.
Я в этом городе – ты, ты – моё нежное детство.

Я не стану, ты не сможешь

Состояние отрешённости, пустоты,
и немного боли
в совершенстве капризной, данной,
одной сумасшедшей весне,
ты и я – двойники: идентичны сознанием,
силой и волей,
коды Времени, матрицу новой Жизни
способны чертить.

А тепло я твоё приняла, защищаясь
безудержным ветром:
пусть он вспыльчивым был и ненужным,
но, всё-таки, нежностью,
мы стихийно поддались друг другу,
как прошлого общего Эхо,
ты же знаешь, что Сова Вселенной
стихийно беснуется.

Я не стану тебе говорить о предсказанной
завтрашней буре,
ты не сможешь сказать, что мой путь,
предначертанный рунами,
знать достаточно явь, сон во сне,
и прочувствовать ночь сквозь сумбуры,

править всласть содержимым, всем тем, что
богами дозволено...

оно просыпается

Манжет заката сполз на город,
Дырявит солнце горизонт.
Зевает Лето в чёрных сопках,
Ложится спать на левый бок.
Надело красную пижаму:
Зелёный хмель на рукавах,
Глаза стрекоз, ручьи в карманах,
Застёжки – молнии от гроз.
Вдыхает облачные кудри,
Степенно греет плоть земли,
Взбивает майские подушки,
Тревожит ветром чьи-то сны.
А завтра в платье медуничном,
Целуя плюшевый рассвет,
Пройдётся в сонных переулках,
Черёмух слижет белый цвет.

предчувствие смерти

Когда исчезнет день печали
и радость съёжится в комок,
заря рядиться перестанет
и море выпрыгнет из вод,
пески свои забудут дюны,
замрут ветра, застынет пыль,
зависнет лёгкой складкой небо
и припадут к земле цветы,
блеснут планеты за квазаром,
в себе самом сгорит июль,
я буду знать – он существует,
«существовал» – знать будет он...

Июнь

Капризничает, психует июнь,
Жжётся скромно, кашляет ветром,
К земле твердь прикладывает, гнётом,
И целует взасос громами.
Оттопырился грузною ветвью,
Расшвырялся цветной прелестью,
Так, как будто бы завтра осень вдруг
Пролепечет мотив северный.
А у горных рек душа колкая:
Кожу выскоблит, сточит разум.
Лето корчится, нагло выкая,
Солнца чёс только беспорочен...

Тёмный зной

Лето щурит глаза
и жонглирует солнцем коптящим,
недосказанность фраз
растянулась по липкому небу.
На краях облаков
Бог развесил мохнатые страсти,
распушил тополя,
напоил чудосочные реки.

Крепко спит звездочёт,
не считает упавшие звёзды,
Сильфы мерно пищат,
балансируя разные мысли.
Чей-то ангел бренчит
на резной и потёртой цитолы,
ночь июля дымит,
освежая лицо в тёмном зное.

КОСТИ

Летние боги мечты разыграли,
кости бросали, ходы прогоняли:
души делили на раз, два и три
(Тюхе моргнула, так значит, «бери»).

Белому выпала тройка, да сани
яркие, скорые, как на гулянье.
Чёрному – шесть: думал, что выиграл,
кепку надел, ботинки не скинул.

Лысому – двойка (клеит по-ноевски),
всё, как всегда, лишь бы «мой», лишь бы «свойский».
Рыжему – пять: мастер «встретиться» вновь,
руку пожать и сказать «будь здоров».

Даме уж очень одной надоели:
шумные очень, их кости гремели.
К ним поднялась. Прекратилась игра:
свет отключила и кости сожгла.

Смелым богам прошептала из тени:
«Вы проиграли, вы так захотели!».

Вечер

Распластался над городом вечер:
Хвост крючком, тело солнца в зубах,
Свесил лапы на род человеческий,
Носом тычет в кривые дома.

А внизу без конца мельтешенье
Схоронившихся там светляков —
Огоньки потерпевших крушение
И великих, и малых творцов.

Глаз не видно. Прозрачные души
Цепь за цепью спадают во тьму,
И по тоненькой ниточке суши
Мы всё глубже уходим ко сну.

Взрослая считалочка

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
«Буду резать, буду бить,
Всё равно тебе голить...» (дет. считалочка)

Вышел месяц из тумана,
Вынул сердце из кармана,
Пристегнул к груди его,
(Пусть и мёртвое оно).

Пару туч пришил к манжетам,
Шею скрыл под жёлтым мехом.
Свесил ноги до земли:
Шёлка времени огни.

На ресницах брезжит тайна.
Бдит людские сны, мечтанья,
Теребит чужое горе:
Прячет в мыслях страхи, боли.

По рассветной нитке кротко
Сердце в чью-то душу вложит...

всё ниже

И бредит игривое солнце
на скрытых ветвях Иггдрасиля,
и небо куражится в красном,
сползая всё ниже и ниже.
И трогают хрупкие пальцы,
молясь, незнакомые боги,
тому, кто ещё не родился,
тому, кто давно уже мёртвый.
Сегодня в Хельхейме поляны ¹
цветут чёрно-белой сиренью:
Модгунн открывает дорогу ²
и ждёт, когда души созреют...

¹ Хельхейм – мир мёртвых.

² Модгунн – дева, страж Хельхейма.

утро туманное

Сединою размазано утро,
сны проснулись от мяготи влаги.
Тишина прививается больно.
Солнце пялит один красный палец.
Мне до Бога сегодня далёко:
он не любит распластанных мыслей.
Под кустами таится тревога
дней сквозных и немного капризных.
В каждом камушке светится чудо,
а под ними любовь неземная
копошится, елозит, гОрбится
и тарашится в небо зеркально.
Я иду по прозрачной дороге,
по которой разбросана нега
от тепла его чувств бесконечных
и от трепета слабого ветра...

потерянное

Я вчера потеряла небо
Или просто оно улетело.
За спиной рыщет юная зрелость,
Ровно в осень закончится лето.

Я вчера потеряла море
Или просто оно утонуло.
Впереди безмятежные штили,
По глазам – чёрно-белые бури.

Я вчера потеряла землю
Или просто она раскрошилась.
На скрипучих качелях Вселенной
Тишина тишину приручила.

Я вчера потеряла радость
Или просто она притаилась.
По ошибке красуется солнце,
По улыбке волочится милость.

ожидание

Жизнь как одно болезное
сплошное ожидание
и уложено только в твои
родовые черты...
Зябнет август,
ширится блёклое расстояние
между двух, четырёх, а быть может,
и тысячи миль.
Остывает тепло,
морщинится пёстрое лето,
Боги прячут глаза,
пока пишут трактаты тоски:
по бескостным просторам
тянется мокрое небо,
вместе с ним – тащатся наших
двадцать потерянных лет.

Где-то должен сужаться этот
самораспятый мир,
чтобы осени две
прикасаются
друг к другу
могли...

прыщ

Холодеет земля. Завещание пишут стрекозы.
Не осенним саше пахнет ветер, но разум тосклив.
Постарела луна, от морщин принимает глюкозу,
Солнцепрыщевый кайф ловит тело как некий каприз.

На бесцветной заре курят трубку шальные туманы,
Спотыкаясь о сон потемневших кривых тополей.
Я на фоне всего, как обмякший несозданный камень-
Бестолковая тень: шарю пульс гениальных идей...

Антиосеннее

Дёргало себя из себя счастье,
теперь вычурно смотрится лето:
пировали скупые демоны
на мечтах ещё спящих ангелов.
Расшумелись с утра безумные,
самобранкою стол украсили,
а на ней самовар, расписанный,
это всё, остальным – «ай... би» танцы.
А скатёрка не дура круглая
(просит деньги за их прошения):
обманули, ох, окаянные,
обратились в чистейшие цяни,
а потом, со своею росписью,
растеклись по шершавому небу
и оттуда кидают крендели
тяжелее камней – из мрачности.

Август дыбится, носом тычется
в прошлогодние дни, как проклятый.
Осень просится, да не сходится
без огранки любви законченной...

ЖИВАЯ ТИШИНА

Привыкаю к другой тишине,
от неё ничего не болит,
в ней на ощупь прохладная тьма,
неба гель, три колючих звезды,
лунный воск, дым курящих комет,
вечный хлам, купидоновый чих,
два крыла постготических вёсен
и о смерти один черновик.
Привыкаю к живой тишине,
А за ней – только Он,
только ты...

ПО ДОЛГОТЕ

на глубине одного поцелуя
притаилась смешная любовь,
танцует, притворяясь глухонемой,
обводит потемневшую бровь,
чтобы вдруг она от удивления
не приподнялась.

на высоте одиночного прыжка
висит небесная пустота,
осыпается хрупкими перьями
на тишь первого дня осени
на глубину одного поцелуя,
не прикасаясь.

по долготе
Времени
расплывается
глупая
улыбка
затяжных
гроз...

СПЛИН

Нитью сплина тянется лето,
Каждая точка мигает смертью,
Сухо выдохлось, еле движется,
Даже плакать ему не хочется.

И нельзя ничего отвергнуть,
Это нам всё опять достанется,
И ветра удобные съёжятся,
И вода охладет в купальнях.

Мы с тобой не сдвинемся с места
И во время безумия сходства,
Каждый будет глотать по острову
Из заросшего дикого тёрна.

Дар по капле: лжи и выверта,
Чтобы знать, что себе не поверим...
Нам осталась минута до жизни,
Если что, знай – ключи не за небьем...

на высоте

Пустота вписана в линии потолка
бестелесным чудищем,
мякоть близости душ давно
за пределами хрупкого дождя
и, разорванных грозами, облаков...
Будущему зашили рот шпагатом,
чтобы мы в себе воплощали
беспредельную жизнь,
но она скрыта под ликом печали,
только боль гуляет во вселенской фате
с размером семи морей
и пыльцы раскрошившихся звёзд.
Постель с поцелуями припорошило,
на ней замёрзли улыбки кудрявых ангелов:
ещё существует на уровне глубокого сна
со звуком одиночного всхлипывания
и бархатной нежности выдохов.
Раскрепощается суть разлуки,
сокровенно влюблённой в свою наготу,
лоскуты времени сворачиваются в тоску...

Мы парим в бесконечной неопределённости
на высоте несовершенной любви...

СОННОЕ МЕСТО

Я знаю место в сонном крае,
где белокурые ежи
шныряют по небу, как в сказке,
меняют облик, смотрят сны,
где осень к августу прилипла
на перекрёстках трёх миров,
там я и ты два грустных мима,
вдыхаем воздуха тепло.

Там вертикаль целует недра
во все засохшие уста,
и начинает мир влюбляться,
страдает, воеет иногда,
а вечера тасуют время,
сопя на жёлтые мгновенья,
и утрочасье пахнет кисло.
Окреп сентябрь. Мы исчезли.

Я ТВОЙ ЛЕС

Вечер в миноре под тяжестью неба,
нюни развесил унылый божок,
старый асфальт пахнет лесом и тленом,
свет фонарей слишком жёлт и глубок.
На бок легла тишина у порога
(щурит один фиолетовый глаз),
олеум ветренный щиплет свободой
души, ушедшие в северный храм.
Тешится воздух пространством иллюзий,
слышится скрежет кирпичных домов,
здесь одиночество ходит по кругу
в хлопковом платье и в шляпе «хомбург».
Здесь в каждой музыке Бах, и истома
от голосащей Ясмин, и хард-рок,
где-то нечаянно чашка разбилась,
что-то случайно упало под стол...

– Видишь меня, волосатое чудище,
слышишь любовь среди местных дождей?
Ты утащи меня, бес мой приаленький,
я уж давно твой пришибленный лес.

прошлые жизни

Я докопалась до памяти прошлых жизней,
где красноватый песок, пухлощёкие звёзды,
твёрдые бездны морей, обнажённые земли,
полупрозрачные дни и топлёные ночи.
Сто тысяч вёрст до Него, девяносто – обратно,
черченый путь прилипающей боли к лицу.
Неба там нет, только соль голубого пространства
и бесконтрольная верть ролевых дежавю.

Память у памяти выгрызла нужные ветхи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.